

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р.Зайнагутдинова, Р.В.Кудаева, Ф.Р.Файзулина, А.Д.Хасанова, А.И.Шаваева и запросом Свердловского областного суда

город Санкт-Петербург

19 апреля 2010 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, В.Г.Стрекозова, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя гражданина Р.В.Кудаева – адвоката М.С.Абубакарова, представителя гражданина Ф.Р.Файзулина – адвоката Ю.А.Костанова, представителя гражданина А.И.Шаваева – адвоката Т.Н.Псомиади, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации А.Н.Харитонов, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,

частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97, 99, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Р.Р.Зайнагутдинова, Р.В.Кудаева, Ф.Р.Файзулина, А.Д.Хасанова, А.И.Шаваева и запрос Свердловского областного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М.Данилова, объяснения представителей сторон, выступление приглашенного в заседание представителя от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» в статью 30 «Состав суда» УПК Российской Федерации, а именно в пункты 2 и 3 ее части второй, был внесен ряд изменений, в соответствии с которыми из числа уголовных дел, которые по ходатайству обвиняемого могут рассматриваться судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, исключаются дела о преступлениях, предусмотренных статьей 205 «Террористический акт», частями второй – четвертой статьи 206 «Захват заложника», частью первой статьи 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»,

частью первой статьи 212 «Массовые беспорядки», статьями 275 «Государственная измена», 276 «Шпионаж», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», 279 «Вооруженный мятеж» и 281 «Диверсия» УК Российской Федерации, и рассмотрение таких дел осуществляется судом в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Конституционность Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ в указанной части и, соответственно, конституционность положений пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации в редакции данного Федерального закона оспаривается гражданами Р.Р.Зайнагутдиновым, Р.В.Кудаевым, Ф.Р.Файзулиным, А.Д.Хасановым и А.И.Шаваевым, обвиняемыми в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Свердловский областной суд просит проверить конституционность части второй статьи 325 УПК Российской Федерации, предусматривающей, что уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе.

1.1. Гражданам Р.В.Кудаеву и А.И.Шаваеву наряду с другими 56 лицами было предъявлено обвинение в совершении ряда преступлений, в том числе таких особо тяжких преступлений, как террористический акт с применением огнестрельного оружия, совершенный организованной группой, повлекший иные тяжкие последствия (часть третья статьи 205 УК Российской Федерации), и активное участие в вооруженном мятеже (статья 279 УК Российской Федерации).

Судья Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики постановлением от 25 марта 2008 года удовлетворил ходатайство 34 обвиняемых, в том числе Р.В.Кудаева, о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и отказал в удовлетворении ходатайства о его рассмотрении коллегией из трех профессиональных судей,

заявленного другими 24 обвиняемыми, в том числе А.И.Шаваевым. Впоследствии по ходатайству стороны обвинения постановлением судьи Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 20 февраля 2009 года уголовное дело в целом было направлено для рассмотрения судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции с указанием на то, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 и 279 УК Российской Федерации, в силу части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ) не подлежат рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Как утверждают Р.В.Кудаев и А.И.Шаваев, оспариваемое ими нормативное регулирование – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47, 55 и 64, поскольку фактически лишает их права на допускаемый Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации выбор законного состава суда, в том числе с участием присяжных заседателей, не только в отношении преступлений, дела по которым исключены Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ из подсудности суда с участием присяжных заседателей, но и в отношении других вменявшихся им по совокупности преступлений, которые по-прежнему относятся к предмету рассмотрения суда с участием присяжных заседателей.

1.2. По завершении предварительного следствия уголовное дело по обвинению граждан Ф.Р.Файзулина, А.Д.Хасанова и других в совершении ряда особо тяжких преступлений, в том числе в приготовлении к насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации (часть первая статьи 30 и статья 278 УК Российской Федерации), было направлено в суд. В удовлетворении заявленных ими 29 декабря 2008 года ходатайств о рассмотрении данного уголовного дела судом с участием присяжных заседателей было отказано постановлением судьи Верховного суда

Республики Татарстан от 29 января 2009 года со ссылкой на то, что согласно пунктам 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ) уголовные дела о преступлении, предусмотренном статьей 278 УК Российской Федерации, из подсудности суда с участием присяжных заседателей исключены.

Гражданину Р.Р.Зайнагутдинову, обвиняемому в совершении ряда преступлений, в том числе в приготовлении к такому особо тяжкому преступлению, как совершение террористического акта в составе организованной группы (часть первая статьи 30 и пункт «а» части второй статьи 205 УК Российской Федерации), постановлением следователя от 12 марта 2009 года со ссылкой на Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ было отказано в удовлетворении ходатайства о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Постановлением от 14 апреля 2009 года судья Верховного суда Республики Башкортостан назначил дело к рассмотрению судом в составе коллегии из трех профессиональных судей.

Как утверждают заявители, в результате применения в их делах пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ они – в нарушение статей 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 2), 32 (часть 5), 45, 47, 55 и 64 Конституции Российской Федерации – были лишены права на рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.

1.3. В производстве Свердловского областного суда находится уголовное дело по обвинению ряда граждан в совершении преступлений, включая предусмотренные статьями 209 «Бандитизм» и 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» УК Российской Федерации, по совокупности.

23 июля 2009 года судьей Свердловского областного суда было проведено предварительное слушание, в ходе которого часть обвиняемых

заявили ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, мотивируя свое требование ссылкой на пункт 2 части второй статьи 30 и пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, в соответствии с которыми по ходатайству обвиняемого рассмотрение уголовных дел об указанных преступлениях осуществляется судом с участием присяжных заседателей. Однако другие обвиняемые выразили несогласие с рассмотрением дела судом с участием присяжных заседателей, в том числе в связи с намерением воспользоваться правами и преимуществами, которые могут быть им предоставлены по досудебному соглашению о сотрудничестве, предполагающему принятие судебного решения в особом порядке в соответствии с главой 40¹ УПК Российской Федерации.

По мнению Свердловского областного суда, часть вторая статьи 325 УПК Российской Федерации, требующая рассмотрения уголовного дела, в котором участвует несколько обвиняемых, судом с участием присяжных заседателей в отношении всех этих обвиняемых, если хотя бы один из них заявил соответствующее ходатайство, и не позволяющая тем самым другим обвиняемым реализовать предусмотренное частью второй статьи 30 УПК Российской Федерации право на рассмотрение их дела судом в ином составе, нарушает гарантированные Конституцией Российской Федерации равенство всех перед законом и судом (статья 19, часть 1), право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), а также осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3).

1.4. Как следует из статей 74, 96, 97, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение только по предмету, указанному в жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод или в запросе суда, в отношении тех законоположений, конституционность которых подвергается сомнению в

обращении и которые применены или подлежат применению в конкретном деле. В силу данных требований предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются:

пункты 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму») – в той части, в какой уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 «Террористический акт», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и 279 «Вооруженный мятеж» УК Российской Федерации, исключаются из подсудности суда с участием присяжных заседателей и передаются на рассмотрение суда в составе трех профессиональных судей;

часть вторая статьи 325 УПК Российской Федерации, предусматривающая, что уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе.

Поскольку жалобы граждан Р.Р.Зайнагутдинова, Р.В.Кудаева, Ф.Р.Файзулина, А.Д.Хасанова и А.И.Шаваева и запрос Свердловского областного суда касаются одного и того же предмета, а именно находящихся во взаимосвязи положений пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК Российской Федерации, устанавливающих подсудность уголовных дел суду с участием присяжных заседателей и право обвиняемого быть судимым таким судом, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации», соединил дела по этим обращениям в одном производстве.

2. Право каждого на судебную защиту его прав и свобод как основное неотчуждаемое право человека закреплено в статье 46 (часть 1) Конституции

Российской Федерации, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и реализуется на основе принципа равенства всех перед законом и судом (статья 17, части 1 и 2; статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Конкретизируя гарантии права на судебную защиту в соответствии с общеправовыми принципами справедливости и равенства, Конституция Российской Федерации устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (статья 118, часть 1), судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1), каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), и никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1).

Приведенные положения Конституции Российской Федерации корреспондируют предписаниям международно-правовых актов о независимом, беспристрастном и законном суде (пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах) и о праве каждого при предъявлении ему любого уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Эти предписания, как указано в резолюции Res (2002) 12 Комитета Министров Совета Европы от 18 сентября 2002 года «Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия», обязывают государства – члены Совета Европы создавать и поддерживать такую судебную систему, которая обеспечивает рассмотрение дел независимым, беспристрастным и компетентным судом, способным эффективно осуществлять свои полномочия (пункт «i» статьи 1 раздела II).

2.1. Конституция Российской Федерации, закрепляя право граждан Российской Федерации участвовать в отправлении правосудия (статья 32, часть 5), предусматривает применительно к уголовному судопроизводству и форму такого участия – в качестве присяжных заседателей, что вытекает из ее статей 47 (часть 2) и 123 (часть 4), согласно которым в случаях, предусмотренных федеральным законом, обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Таким образом, в силу Конституции Российской Федерации суд с участием присяжных заседателей выступает в качестве законного суда в смысле ее статьи 47 (часть 1) по тем уголовным делам, которые отнесены к его компетенции федеральным законом.

Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. По смыслу статьи 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 123 (часть 4), данное право – в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности – не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, которое не подлежит изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации (статья 64 Конституции Российской Федерации), а выступает в качестве одной из его возможных процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя в соответствии со статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Общепризнанные принципы и нормы международного права также не включают право на суд присяжных в число обязательных составных элементов права на справедливое правосудие. Не рассматривают его как охраняемое Конвенцией о защите прав человека и основных свобод ни Европейский Суд по правам человека, ни – ранее – Европейская Комиссия по правам человека, которая признавала жалобы на отказ в праве на суд

присяжных несовместимыми *ratione materiae* с ее положениями (решения о приемлемости жалоб от 10 октября 1980 года «X. и Y. против Ирландии», от 9 мая 1989 года «Кэллэгэн (Callagan) и другие против Соединенного Королевства», от 6 июля 1992 года «Макмаллен (McMullen) против Ирландии», от 28 февраля 1996 года «Мэлоун (Malone) против Соединенного Королевства» и «Маклафлин (McLoughlin) против Ирландии»).

По мнению Европейского Суда по правам человека, при наличии в системе уголовной юстиции конкретного государства суда с участием присяжных принцип справедливого судебного разбирательства, по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не предполагает при предъявлении уголовного обвинения обязательного признания права на такой суд (решения о приемлемости жалоб от 17 сентября 2002 года «Климентьев против России», от 9 декабря 2004 года «Моисеев против России», от 19 октября 2006 года «Косицын против России», от 5 февраля 2007 года «Рожков против России»).

2.2. Таким образом, суд с участием присяжных заседателей, будучи одной из процессуальных форм осуществления уголовного судопроизводства, не является обязательным условием обеспечения судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей признано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П особой и необходимой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты, прямо предусмотренной самой Конституцией Российской Федерации в статье 20 (часть 2) лишь в отношении обвиняемого в преступлении, за совершение которого федеральным законом устанавливается исключительная мера наказания – смертная казнь.

Разъясняя данное Постановление, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р пришел к выводу, что в Российской Федерации в настоящее время действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации

гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Соответственно, в контексте действующего правового регулирования положения федерального законодательства о смертной казни как виде уголовного наказания, процедурах его назначения и исполнения в настоящее время применяться не могут, и на федерального законодателя более не возлагается обязанность обеспечивать обвиняемому в качестве гарантии судебной защиты права на жизнь возможность быть судимым судом с участием присяжных заседателей.

3. Как следует из статей 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3), определение категорий уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, равно как и изменение ранее установленной подсудности относятся к компетенции федерального законодателя.

Вместе с тем дискреция федерального законодателя в регулировании реализации права на доступ к правосудию и права на законный суд, в том числе с участием присяжных заседателей, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности не допускать – при обеспечении вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа

справедливого судебного разбирательства – ограничений конституционного права на судебную защиту и осуществлять правовое регулирование подсудности уголовных дел с учетом принципа правовой определенности. При этом он должен учитывать, что, по смыслу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, судопроизводство с участием присяжных заседателей, в котором не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно принимает решение по вопросу о виновности подсудимого, имеет особую конституционно-правовую значимость и, во всяком случае, не допускает произвольный и необоснованный отказ законодателя от этой формы судопроизводства, непосредственно определенной Конституцией Российской Федерации применительно к защите права на жизнь как базового для реализации всех иных конституционных прав, при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена.

Конкретизируя конституционные предписания о суде с участием присяжных заседателей как законном составе суда по уголовным делам об определенных категориях преступлений и отказываясь по другим делам от этой формы судопроизводства, федеральный законодатель не вправе при установлении перечня уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, нарушать требования справедливости и равенства перед законом и судом и действовать произвольным и дискриминационным образом.

3.1. Само по себе изменение регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей не ограничивает доступ к правосудию и не затрагивает существо права на законный суд, равно как рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является непременным условием реализации права на судебную защиту как основного и неотчуждаемого права, гарантируемого Конституцией Российской Федерации, а именно статьей 46 во взаимосвязи со статьями 15 (часть 4), 17, 47, 118 и 123, а также со статьей 20 (часть 2) по ее смыслу в условиях

действующего в Российской Федерации моратория на смертную казнь, и статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее официальном истолковании Европейским Судом по правам человека.

Из этого вытекает, что изменение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей не может рассматриваться как ограничение права на судебную защиту: дифференциация процессуальных форм судебной защиты обуславливается обязанностью государства обеспечивать эффективность способов правовой защиты, а не указанными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации конституционно значимыми целями охраны основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Вместе с тем законодательное определение компетенции суда с участием присяжных заседателей не должно сопровождаться нарушением прав и свобод человека и гражданина, а также конституционных гарантий этих прав и свобод. На исключение таких нарушений ориентируют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно пределов допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина на основе предписаний статьи 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации. Согласно этим правовым позициям ограничение законом основных прав человека возможно лишь при сохранении существа и реального содержания права и обеспечении соразмерности ограничения конституционно признаваемым целям.

Так, в Постановлении от 30 октября 2003 года № 15-П указано, что в случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания. При допустимости ограничения права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и

строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают основное содержание соответствующих конституционных норм.

3.2. По смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 4) и 17 (часть 1), а также со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, одним из неотъемлемых свойств права на судебную защиту и необходимым условием справедливого судебного разбирательства является право на объективный суд, предполагающее отсутствие предубеждения и пристрастности судей. Поэтому федеральный законодатель при осуществлении соответствующего правового регулирования в целях обеспечения эффективности судебной власти и способности судебной системы реально гарантировать право каждого на справедливое судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом должен исходить из того, что принципиальное требование беспристрастности суда распространяется как на профессиональных судей, так и на входящих в состав суда присяжных заседателей.

По мнению Европейского Суда по правам человека, беспристрастность суда в контексте статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод находится на первом месте (постановление от 26 октября 1984 года по делу «Де Кюббер (De Cubber) против Бельгии»); принципы независимости и беспристрастности распространяются равным образом как на профессиональных судей, так и на присяжных заседателей (постановление от 23 апреля 1996 года «Ранли (Remli) против Франции»); любой суд, включая

суд с участием присяжных, должен быть беспристрастным как с субъективной, так и с объективной точки зрения (постановление от 9 мая 2000 года «Сэндер (Sander) против Соединенного Королевства»).

4. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (пункт 1 статьи 3). Уголовным кодексом Российской Федерации (статья 205) террористический акт отнесен к особо тяжким преступлениям и определяется как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Таким образом, средством для достижения конечной цели террористов – оказания воздействия на принятие решения органами публичной власти – служит устрашение населения. При этом общеопасный способ совершения деяния (взрыв, поджог, иные действия подобного характера) указывает на то, что направленность террористических актов на устрашение населения предполагает их широкую огласку, с тем чтобы вызывать страх у людей, справедливо опасющихся за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества; угроза же совершения террористического акта выражается в доведении до сведения широких слоев населения, правоохранительных органов, других органов власти информации о намерении совершить указанные действия.

4.1. В целях оптимального обеспечения эффективности борьбы с терроризмом как одним из основных источников угроз безопасности человека, общества и государства был принят Федеральный закон от 30

декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму», изъявший из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела о преступлениях, связанных с террористической деятельностью, с учетом того, что она направлена на создание реальной угрозы для жизни и здоровья как населения, так и участников уголовного судопроизводства и может оказывать серьезное негативное психологическое воздействие и отрицательно влиять в том числе на способность входящих в состав суда лиц к принятию адекватных решений.

Существенное влияние оказывает и обычно сопровождающее такие преступления широкое распространение информации из непроцессуальных источников, касающейся обстоятельств совершения преступления и личности обвиняемых. С учетом того, что согласно Федеральному закону от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» коллегия присяжных заседателей формируется из числа граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, практически весьма сложно исключить отрицательное воздействие такой информации на кандидатов в присяжные заседатели и формирование у них предвзятой – обвинительной либо оправдательной – психологической установки (равно как и устранить давление на них посредством угроз жизни и физической неприкосновенности), что в конечном счете не позволяет обеспечить требование беспристрастного суда как с субъективной, так и с объективной точки зрения.

Исходя из этого федеральный законодатель обязан предусмотреть правовые средства для обеспечения беспристрастности суда, уполномоченного разрешать дела о преступлениях, связанных с террористической деятельностью. К числу таких средств относятся уголовно-процессуальный институт отвода судьи, присяжных заседателей или всей коллегии присяжных ввиду ее тенденциозности, требования, предъявляемые

к кандидатам в присяжные заседатели (цензы), а также возможность законодательного закрепления правил изменения территориальной подсудности уголовных дел.

Так, основанием для отвода кандидатов или роспуска коллегии присяжных заседателей может служить их информированность о преступлении из непроцессуальных источников, которая в силу своего характера и объема негативным образом влияет на формирование внутреннего убеждения присяжных заседателей при вынесении вердикта по делу. Именно поэтому модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (одобрен постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 года № 7-6) обязывает председательствующего выяснить у присяжных заседателей их информированность об обстоятельствах дела, рассмотрение которого предстоит в суде, и в случае получения сведений об осведомленности присяжного заседателя о конкретном уголовном деле решить вопрос об освобождении его от участия в рассмотрении дела (часть четвертая статьи 427).

Таким образом, осуществляя в рамках своих дискреционных полномочий по определению подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей изменение установленной ранее подсудности дел о террористических актах и других связанных с террористической деятельностью преступлениях, федеральный законодатель должен исходить из необходимости обеспечения адекватных гарантий эффективности правосудия, беспристрастности и независимости суда при рассмотрении таких дел.

Изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей дел о терроризме и связанных с ним преступных деяниях, таких как вооруженный мятеж и насильственный захват власти, вызывается их повышенной сложностью и спецификой самих преступлений, чем в современных условиях предопределяется правомочие именно профессиональных судей делать

вывод о виновности или невиновности подсудимых на основе исследования фактических обстоятельств и оценки собранных доказательств. Соответственно, отнесение уголовных дел о терроризме и связанных с ним преступлениях к подсудности суда в составе коллегии из трех профессиональных судей само по себе не является нарушением права на судебную защиту, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

4.2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает определенный приоритет суда с участием присяжных заседателей при допускаемом им выборе обвиняемыми состава суда для рассмотрения конкретного уголовного дела: если при наличии ходатайства о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей один или несколько обвиняемых отказываются от него, то следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство; при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей (пункт 1 части пятой статьи 217); уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе (часть вторая статьи 325).

Таким же образом регулируется и определение подсудности уголовных дел по видам преступлений: при предъявлении обвинения одновременно по нескольким составам преступлений, часть которых подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, а часть является исключительно предметом рассмотрения суда в составе профессиональных судей, по общему правилу, признается приоритет суда с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ – по своему смыслу в системе норм, регулирующих подсудность уголовных дел, – как специально предназначенные исключить

дела о терроризме и связанных с ним преступлениях (именно с учетом их специфики) из подсудности суда с участием присяжных заседателей, не предполагают возможность их рассмотрения этим судом, несмотря на то что в объем обвинения включены и составы преступлений, подлежащие рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Дискреция федерального законодателя в выборе для рассмотрения уголовных дел при такой совокупности преступлений в качестве законного суда исключительно коллегии из трех профессиональных судей – исходя из необратимости процесса отмены смертной казни в системе действующего правового регулирования в соответствии с целью статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации – не может быть ограничена. При этом не исключается его правомочие вводить в процессе совершенствования уголовно-процессуального регулирования как дополнительные процедуры, обеспечивающие возможность раздельного рассмотрения уголовных дел, так и изменения в правилах территориальной подсудности, с тем чтобы минимизировать сужение компетенции суда с участием присяжных заседателей.

Наделение федеральным законом суда в составе коллегии из трех судей федерального суда высокого уровня компетенцией по рассмотрению дел о терроризме и связанных с ним преступлениях и исключение таких дел из подсудности суда в составе судьи и коллегии присяжных заседателей в сложившихся условиях не может считаться необоснованным, произвольным или неразумным. Соответственно, положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ) в части, исключающей из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 «Террористический акт», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и 279 «Вооруженный мятеж» УК Российской Федерации, и передающей такие дела на рассмотрение суда в составе трех судей федерального суда общей

юрисдикции, в системе действующего правового регулирования не могут рассматриваться как нарушающие гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, установленные Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьями 19 (часть 1), 46, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4).

5. Как следует из статьи 54 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 18, 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), федеральный законодатель, осуществляя свои конституционные полномочия по введению в действие новых правовых норм и признанию утратившими юридическую силу прежних правовых норм, не вправе придавать обратную силу новым нормам, ухудшающим правовое положение обвиняемого, и неправомерно ограничивать субъективные процессуальные права, уже реализуемые в конкретных правоотношениях. Определяя действие уголовно-процессуального закона во времени, статья 4 УПК Российской Федерации устанавливает, что при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено данным Кодексом.

Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ, изменивший предметную подсудность уголовных дел о терроризме и связанных с ним преступлениях, передав их на рассмотрение суда, состоящего из профессиональных судей, во взаимосвязи с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющими порядок заявления в ходе расследования и разрешения на предварительном слушании ходатайства о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей (пункт 1 части пятой статьи 217, статья 229, пункт 2 части второй и пункт 1 части пятой статьи 231, статьи 236 и 325), исключил возможность ходатайствовать о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей для обвиняемых в преступлениях, предусмотренных в том числе

статьями 205, 278 и 279 УК Российской Федерации. При этом субъективное право обвиняемого на рассмотрение его дела определенным составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом, основанное на предписании статьи 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации, возникает с момента принятия судом решения о назначении уголовного дела к слушанию, вынося которое суд руководствуется процессуальным законом, действующим во время принятия данного решения.

Следовательно, ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, заявленное ранее на предварительном следствии в порядке статьи 217 УПК Российской Федерации в период действия прежнего процессуального закона, не подлежит удовлетворению судом по результатам предварительного слушания, если на момент принятия соответствующего решения суда действует закон, которым рассмотрение данного дела не отнесено к подсудности суда с участием присяжных заседателей. Иное не только нарушало бы правила о действии закона во времени, но и не соответствовало бы принципу законного суда, закреплённому в статье 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Поскольку субъективное право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей возникает у обвиняемого не с момента заявления им в ходе предварительного расследования соответствующего ходатайства, а лишь с момента принятия решения по данному ходатайству судом, при том что предполагается проверка судом наличия условий для распространения на этого обвиняемого новых правил подсудности, уголовно-процессуальное положение обвиняемого в процессе реализации права на рассмотрение его дела законным судом (статья 47 Конституции Российской Федерации) не может считать ухудшившимся в смысле статьи 54 (часть 1) Конституции Российской Федерации, если ходатайство было заявлено им до даты вступления в силу нового уголовно-процессуального закона, согласно

которому его дело подлежит рассмотрению судом в составе профессиональных судей.

Соответственно, ходатайство, заявленное обвиняемым после ознакомления с материалами оконченного предварительного следствия, само по себе не предопределяет передачу уголовного дела на рассмотрение суда с участием присяжных заседателей, а влечет лишь обязанность суда назначить по данному основанию предварительное слушание, в ходе которого обвиняемый вправе свое ходатайство подтвердить либо отказаться от него. Назначая судебное заседание, суд руководствуется тем законом (в том числе о подсудности дела), который действует на момент предварительного слушания. Постановление судьи о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, принятое на предварительном слушании, является окончательным, и последующий отказ подсудимого от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не принимается (часть пятая статьи 325 УПК Российской Федерации).

По смыслу статьи 47 Конституции Российской Федерации, новые правила подсудности уголовных дел, введенные Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ, подлежат применению во взаимосвязи с требованием о неизменности состава суда, согласно которому уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда (статья 242 УПК Российской Федерации). Следовательно, если до вступления указанного Федерального закона в силу по результатам предварительного слушания судом уже принято решение о назначении судебного заседания с участием присяжных заседателей, то дело подлежит рассмотрению именно судом с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем при невозможности сформировать объективную и беспристрастную коллегию присяжных заседателей не должно ограничиваться право граждан на рассмотрение их дела в разумный срок законным и справедливым судом, каковым по действующему уголовно-процессуальному закону признан суд в составе трех профессиональных

судей. В таких случаях, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 6 апреля 2006 года № 3-П, соответствующие уголовные дела подлежат рассмотрению судом в ином установленном законом составе, без участия присяжных заседателей (при условии, что назначение смертной казни не допускается).

Следовательно, положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ сами по себе – с точки зрения действия во времени и по кругу лиц – не могут рассматриваться как нарушающие конституционные гарантии права на судебную защиту. Что касается соответствующих судебных решений по конкретным делам, в которых применены указанные положения, то проверка их законности и обоснованности не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положениях Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (статьи 3 и 74).

6. Согласно части второй статьи 325 УПК Российской Федерации уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе.

Названная норма корреспондирует правилу пункта 1 части пятой статьи 217 УПК Российской Федерации, в силу которого если один или несколько обвиняемых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, то следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство; при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

Данные нормативные предписания исходят, таким образом, из приоритета права обвиняемого на суд с участием присяжных заседателей в

предусмотренных федеральным законом случаях, как непосредственно закрепленного в Конституции Российской Федерации (статья 47, часть 2), которое не может быть парализовано волеизъявлением других обвиняемых по тому же делу, желающих реализовать предоставленное им актом меньшей юридической силы – Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации право заявить ходатайство о рассмотрении их дела коллегией из трех профессиональных судей.

Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), в том числе в предусмотренных федеральным законом случаях судом с участием присяжных заседателей, не допускает лишение обвиняемого данного права. Соответственно, предоставление обвиняемому права заявить ходатайство о рассмотрении его дела коллегией из трех судей (пункт 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации) не может рассматриваться как ограничение права на суд с участием присяжных заседателей, поскольку такое ходатайство не подлежит удовлетворению в случае признания законным судом по данному делу именно суда с участием присяжных заседателей. В то же время – в силу конституционного требования обеспечения баланса интересов участников уголовного судопроизводства – предполагается, что в отношении подсудимых, которым было отказано в удовлетворении заявленного в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с главой 40¹ УПК Российской Федерации ходатайства о рассмотрении их дела профессиональными судьями, при рассмотрении дела судом с участием присяжных во всяком случае должны соблюдаться установленные законом (части вторая и четвертая статьи 62 УК Российской Федерации, часть пятая статьи 317⁷ УПК Российской Федерации) правила о смягчении наказания.

Исходя из этого в части второй статьи 325 УПК Российской Федерации предусмотрен конституционно оправданный способ разрешения конкуренции норм, закрепляющих право на рассмотрение дела судом с

участием присяжных заседателей и право ходатайствовать о замене этого суда коллегией из трех профессиональных судей, что позволяет признать ее не противоречащей Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем в ходе осуществления уголовного судопроизводства возможно использование различных способов учета позиции обвиняемого, ходатайствующего о рассмотрении дела профессиональным составом суда, в том числе если при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей (в силу специфики данного института) он окажется в заведомо неблагоприятном и неравном по сравнению с другими обвиняемыми положении, что может привести к несоразмерному ограничению его законных интересов, включая связанные с досудебным соглашением о сотрудничестве, предполагающим вынесение судебного решения в особом порядке.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает выделение уголовных дел в отношении обвиняемых, отказывающихся от рассмотрения их дела судом с участием присяжных заседателей, в отдельное производство, в том числе по ходатайству о рассмотрении дела коллегией из трех судей или о применении особого порядка судебного разбирательства (пункты 1, 1¹ и 2 части пятой статьи 217), при условии, что это не отразится на всесторонности и объективности рассмотрения и разрешения уголовного дела (часть вторая статьи 154).

Не исключается принятие и самим судом решения о раздельном рассмотрении дел. Как следует из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ни приостановление судом производства в отношении одного из подсудимых, ни решение о возвращении уголовного дела прокурору (часть третья статьи 253, статья 237), предполагающие раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении подсудимых, не являются препятствием для продолжения судебного разбирательства, — пунктом 4 части первой статьи 237 УПК Российской Федерации в качестве основания, препятствующего дальнейшему судебному разбирательству, названа необходимость лишь соединения, но не выделения уголовных дел.

Соответственно, статья 325 УПК Российской Федерации – по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства – не исключает возможность разделения судом уголовных дел и в случае возражения части подсудимых против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, поскольку именно суду в конечном счете принадлежит право определять надлежащие процедуры для рассмотрения конкретного уголовного дела, в том числе для постановления приговора в особом порядке, оценивая достаточность либо недостаточность оснований для применения таких процедур и возможность обеспечить всесторонность и объективность рассмотрения обвинений в отношении других подсудимых судом с участием присяжных заседателей.

В таких случаях суд в целях обеспечения справедливости правосудия вправе разрешить в ходе предварительного слушания вопрос о выделении уголовного дела в отношении подсудимых, возражающих против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, руководствуясь, в частности, предписаниями статьи 17 «Свобода оценки доказательств» УПК Российской Федерации, на основе предварительной оценки по внутреннему убеждению совокупности собранных доказательств. Иное означало бы, что не суд, а следователь или дознаватель – вопреки вытекающим из статьи 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации прерогативам суда – принимали бы окончательное решение о том, отразится ли выделение уголовного дела на всесторонности и объективности рассмотрения и разрешения дела по существу.

Федеральный законодатель правомочен установить основания и порядок принятия судом решения о раздельном рассмотрении таких уголовных дел или иные правила, обеспечивающие права и законные интересы всех подсудимых. Им же устанавливаются способы решения данной проблемы в тех случаях, когда степень негативных последствий выделения дел в отдельное производство превосходит – с точки зрения конституционных

требований справедливости и соразмерности – возможный положительный эффект, что делает использование соответствующей процедуры неприемлемым.

При этом законодательное регулирование подсудности, в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, должно исключать неопределенность в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения, т.е. дискреционным полномочием правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 года № 9-П, от 2 февраля 1999 года № 3-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П и от 21 января 2010 № 1-П).

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму») в части, исключающей из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 «Террористический акт», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и 279 «Вооруженный мятеж» УК Российской Федерации, и, соответственно, передающей такие дела на рассмотрение суда в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку предусмотренный данными положениями переход от рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей к иной

судебной процедуре осуществлен с учетом запрета назначения исключительной меры наказания в виде смертной казни.

2. Признать положение части второй статьи 325 УПК Российской Федерации, предусматривающее, что уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе, не противоречащим Конституции Российской Федерации постольку, поскольку данное положение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не исключает, что суд при проведении предварительного слушания – с учетом обстоятельств, лежащих в основе ходатайства отдельных обвиняемых против рассмотрения их дела с участием присяжных заседателей, – правомочен разрешить вопрос о выделении дела для обеспечения его рассмотрения в отношении этих лиц судом в составе профессиональных судей, если это не препятствует всесторонности и объективности разрешения уголовного дела, рассматриваемого в составе суда с участием присяжных заседателей.

3. Конституционно-правовой смысл пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Этим не затрагивается правомочие федерального законодателя – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления – вносить изменения и дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, направленные на совершенствование регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей, а также на обеспечение интересов лиц, возражающих против рассмотрения их дела судом в таком составе.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует

непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 8-П

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А.Гаджиева

Будучи несогласным с решением Конституционного Суда Российской Федерации, излагаю свое особое мнение по делу.

1. В соответствии с частью 2 статьи 47 Конституции РФ обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом. Приходится признать, что мы знаем о содержании данного конституционного права непозволительно мало. Возможно, это одна из главных причин возникшего конституционно-правового спора, рассматриваемого Конституционным Судом.

Оспоренным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ, введенным в действие 11 января 2009 года, в статью 30 (состав судей) УПК РФ были внесены изменения, согласно которым уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 (террористический акт), 206 (части 2–4) (захват заложников), 208 (часть 1) (организация и участие в незаконном вооруженном формировании), 212 (часть 1) (массовые беспорядки), 275 (государственная измена), 276 (шпионаж), 278 (насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 279 (вооруженный мятеж) и 281 (диверсия) Уголовного кодекса РФ, были исключены из числа дел,

могущих рассматриваться судом с участием присяжных заседателей, и отнесены к ведению коллегии, состоящей из трех профессиональных судей.

На первый взгляд, принимая это решение, законодатель, обладающий дискрецией, действовал в пределах конституционных полномочий, поскольку Конституция наделяет его правом определять те «случаи», когда обвиняемый имеет право на суд присяжных. Конечно, при этом законодатель должен учитывать и норму части второй статьи 20 Конституции РФ, в соответствии с которой смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Но если исходить из того, что в результате продолжительного времени действия моратория на применение смертной казни, правовой режим которого был введен Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года, сформировалась устойчивая гарантия права не быть подвергнутым смертной казни, то неприменение смертной казни на территории России должно означать, как предложил считать представитель Президента РФ в КС РФ М.В. Кротов, что конституционная гарантия на суд присяжных в этой части фактически отпала. В русле этой логики законодатель вправе свести до минимума в федеральном законе те «случаи», о которых говорится в статье 47 Конституции РФ, когда обвиняемый имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Но не является ли подобная логика и практика толкования законодателем конституционных положений, закрепляющих конституционное право, формой их деконституционализации, прямо запрещенной в части второй статьи 55 Конституции РФ?

Для ответа на этот риторический вопрос необходимо выявление сущности и нормативного содержания конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей как

одного из основных прав человека. Потребность в этом возрастает и потому, что КС РФ соединил в одном производстве не только дела по жалобам лиц, обвиняемых по статьям 205, 278 и 279 УК РФ, но и запрос Свердловского областного суда, в производстве которого находится уголовное дело по обвинению ряда граждан в совершении преступлений, включая предусмотренные статьями 209 «Бандитизм» и 210 «Организация преступного сообщества». Именно поэтому КС РФ сформировал предмет рассмотрения по настоящему делу достаточно широко, а именно: находящиеся во взаимосвязи положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК РФ, устанавливающие подсудность уголовных дел суду с участием присяжных заседателей и право обвиняемых быть судимыми таким судом.

Содержащаяся в части 2 статьи 17 Конституции РФ сущностная характеристика в полной мере распространяется на конституционное право на суд присяжных, и тем самым не имеют права на существование утверждения о том, что это 1) октроированное право, либо что это 2) вообще не конституционное право или оно не относится к числу основных, поскольку является функцией федерального законодателя, который свободно определяет те случаи, когда целесообразно предоставлять обвиняемому право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, принципиальным для будущего суда присяжных в России сейчас является то, как Конституционный Суд истолкует норму части 2 статьи 47 Конституции РФ.

Основной причиной моего несогласия с решением Конституционного Суда РФ по данному делу является несовпадающее понимание роли конституционного права в качестве ограничителя дискреционных полномочий законодателя и иное истолкование правовой позиции Конституционного Суда РФ, содержащейся в Постановлении от 6 апреля 2006 года № 3-П, о содержании права обвиняемых на суд присяжных как основного конституционного права.

2.1. Исходя из классических правил толкования конституционных норм, норму части 2 статьи 47 Конституции РФ необходимо интерпретировать в системной связи с нормами: 1) части 1 статьи 47 Конституции – о конституционном праве на законный суд; 2) части 4 статьи 15 Конституции; 3) части 1 статьи 46 Конституции – о праве на судебную защиту; 4) части 2 статьи 20 Конституции; 5) частей 1 и 5 статьи 32 Конституции; 6) части 1 статьи 54 – о том, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет; 7) части 4 статьи 123 Конституции – о том, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей. Важное значение для прояснения нормативного содержания конституционного права обвиняемого по статье 47 имеют конституционные принципы демократии, правового государства, федерализма.

Право на суд присяжных является частным случаем конституционного права человека на рассмотрение его дела в том суде, к подсудности которого оно отнесено законом. Данное право представляет один из юридических пластов в многослойном конституционном праве на законный суд.

Право на суд присяжных, являясь правом обвиняемого, взаимосвязано с правом граждан России участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32). Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующая право на справедливое судебное разбирательство, не обязывает государства создавать суды с участием присяжных заседателей, но если национальное законодательство предусматривает участие присяжных в отправлении правосудия, то на государство возложена обязанность обеспечить независимость и беспристрастность судов с участием присяжных заседателей. В соответствии с практикой Европейского Суда по правам человека требование беспристрастности имеет два аспекта.

Во-первых, суд должен быть субъективно беспристрастным, то есть ни один из членов суда, включая присяжных, не должен иметь предубеждение либо предвзятое мнение. Личная беспристрастность презюмируется до тех

пор, пока не будет доказано обратное. Это отражает важный элемент принципа верховенства права, заключающийся в том, что решения судов, в частности судов присяжных, являются окончательными и обязательными для исполнения, если они не отменены вышестоящим судом по причине их незаконности или несправедливости (Puller V. The United Kingdom, Judgment of 10 June 1996. Reports. 1996-III. Par. 32).

Во-вторых, суд должен быть беспристрастным с объективной точки зрения, что означает наличие достаточных гарантий исключения любых обоснованных сомнений в беспристрастности.

2.2. Участие присяжных заседателей в отправлении правосудия может рассматриваться как форма участия граждан в управлении делами государства, причем непосредственного участия (статья 32, часть 1, Конституции РФ). Участие граждан в управлении публичными делами опирается на конституционный принцип демократии (статья 1, часть 1, Конституции РФ).

Участие присяжных заседателей в отправлении правосудия является одной из разновидностей управления публичными делами, и в силу этого право обвиняемого на суд присяжных не является простой функцией законодателя, а приобретает вполне самостоятельное нормативное содержание, ограничение которого регламентируется Конституцией РФ в статье 55. Значит ли это утверждение, что законодатель не может изменять в сторону ограничения подсудность дел суду присяжных, и в частности исключать из их подсудности дела о терроризме? На наш взгляд, это было бы неверным утверждением, не оценивающим в достаточной мере конституционные полномочия федерального законодателя.

Одной из особенностей российской Конституции, являющейся, безусловно, ее сильной стороной, является рамочный характер многих конституционных положений. Отсутствие избыточной детализации означает, что законодатель свободен от влияния различных идеологических позиций, он имеет самые широкие возможности для политического творчества без

изменения Конституции. Законодатель и вправе и обязан реагировать на протекающие в обществе процессы, и, в частности в случае осложнения ситуации в борьбе с терроризмом, он вправе исключить из подсудности суда с участием присяжных заседателей такой состав, как террористический акт. При рассмотрении дел о террористических актах, учитывая эмоциональное состояние населения, а значит и присяжных заседателей, трудно обеспечить непредвзятость и беспристрастность суда присяжных. В очень чувствительной коллизии между правом обвиняемых на суд присяжных и потребностью в справедливом суде законодатель вправе отдать предпочтение второй конституционной ценности и исключить дела о террористических актах из подсудности суда с участием присяжных заседателей.

Конституционное право обвиняемых на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей, являясь одновременно особой процессуальной гарантией обвиняемых, не предполагает права обвиняемых на рассмотрение каких-то определенных уголовных дел судом присяжных. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 6 апреля 2006 года № 3-П сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой статья 20 (часть 2) Конституции РФ означает, что обвиняемому в особо тяжком преступлении против жизни, за совершение которого федеральным законом предусмотрена возможность назначения смертной казни в качестве исключительной меры наказания, должно быть предоставлено право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. В этих случаях право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей является особой, закрепленной непосредственно Конституцией РФ, процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь.

В чем суть указанной правовой позиции КС РФ, почему в некоторых случаях необходимы повышенные (особые) гарантии прав обвиняемых? И есть ли «критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело»

(п. 2 мотивировочной части Постановления КС РФ от 6 апреля 2006 года)? Есть ли у конституционного права обвиняемых на суд присяжных собственное нормативное содержание или основное содержание? В соответствии с правовой позицией КС РФ, содержащейся в постановлении от 6 апреля 2006 года, помимо конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (п. 4 мотивировочной части), есть еще конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей. Между этими конституционными правами существует взаимосвязь, порождающая основное содержание конституционного права обвиняемых. Как следует из правовой позиции КС РФ, спецификой суда с участием присяжных заседателей, позволяющей рассматривать этот суд как особую, закрепленную непосредственно Конституцией РФ процессуальную гарантию судебной защиты, является его природа и особенности производства в нем: присяжные заседатели не обязаны мотивировать свое решение, в том числе по основному вопросу уголовного дела – о доказанности или недоказанности виновности подсудимого в совершении преступления; принимая решение, присяжные заседатели, не будучи профессиональными судьями, основываются преимущественно на своем жизненном опыте и сформировавшихся в обществе, членами которого они являются, представлениями о справедливости (п. 4 мотивировочной части).

Конституционный Суд РФ рассматривал право обвиняемых на суд присяжных как «конституционно защищаемую ценность», сопоставляя ее с другими конституционными ценностями – с конституционным принципом равенства перед законом и судом.

Конституционная ценность суда присяжных состоит прежде всего в том, что жюри присяжных максимально независимо от государства. С учетом того, что во многих конституциях государств – участников Совета Европы предусмотрены аналогичные положения о суде присяжных, имеются международно-правовые нормы. 23 апреля 2007 года принята Резолюция

Парламентской Ассамблеи Совета Европы, рекомендующая суд присяжных как необходимую гарантию по делам о государственных преступлениях, в частности – о шпионаже и разглашении государственной тайны.

Комитет по правам человека ООН в решении по делу Д. Каван против Ирландии (4 апреля 2001 года), обвинявшегося в совершении ряда так называемых преступлений против государства и приравненных к ним преступлений, пришел к выводу, что государство, лишив подсудимого права на суд присяжных без приведения разумных и объективных критериев и рассмотрев его дело в специальном уголовном суде, состоявшем из трех профессиональных судей, нарушило его право на равенство перед законом и равную защиту закона, гарантированное статьей 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

2.3. Российский законодатель исключил из подсудности судов присяжных состав, предусматривающий ответственность за шпионаж. Было ли у него на это право? Не допустил ли он несоразмерное ограничение конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей?

Для ответа на этот вопрос необходимо скрупулезно установить те элементы, из которых складывается данное конституционное право.

Первый элемент – это признание на конституционном уровне, что к подсудности суда с участием присяжных заседателей относятся особо тяжкие преступления против жизни. Второй элемент – это повышенные гарантии права обвиняемого на защиту, поскольку человек обвиняется в совершении особо тяжкого преступления. Третий элемент, вытекающий из первого и второго, – это разделение суда на две части – представители народа и коронный суд, т.е. профессиональные суды присяжных, – с предоставлением особых юридических гарантий (тайное голосование; верховенство вердикта присяжных заседателей; возможность принятия немотивированного вердикта и т. д.).

Специалисты по уголовному праву усматривают повышение объема гарантий обвиняемого благодаря тому, что только суд присяжных способен оценивать виновность не только с позиций вины (умысел либо неосторожность) в уголовно-правовом, формальном смысле. С. А. Пашин, руководитель группы по разработке законопроекта о суде присяжных (1993 год), пишет, что виновность, устанавливаемая вердиктом коллегии присяжных заседателей, не тождественна «вине» в уголовно-правовом смысле. Виновность предполагает не только умышленное или неосторожное совершение деяния, но и мнение суда, что за этот поступок общество и государство вправе с учетом всех выявленных обстоятельств упрекнуть, «обвиноватить» подсудимого (Пашин С.А. Постановка вопросов перед коллегией присяжных заседателей в суде // Состязательное правосудие. Ч. 1. С. 90). И. Л. Петрухин считает, что вопрос о виновности – будь то обобщенный либо третий из трех основных – «позволяет присяжным признать подсудимого невиновным, даже если преступление было совершено, и совершил его подсудимый. Тем самым они признают подсудимого и его формально противоправные действия общественно не опасными и в какой-то мере корректируют закон применительно к данному случаю» (Комментарии к УПК РСФСР / Отв. ред. И. Л. Петрухин. М., 2001. С. 613).

В дореволюционной юридической литературе С. И. Викторским, Н. Вальтером, И. Я. Фойницким отмечалась многозначность в понимании понятия виновность, когда вопрос о виновности решается присяжными заседателями.

Для того чтобы достичь ясности и определенности в этом вопросе, С. И. Викторский считал, что главный вопрос о виновности должен вылиться в такую форму: подлежит ли подсудимый уголовной ответственности, или следует ли подсудимого подвергнуть наказанию?

«Так формулировать главный вопрос о виновности мы рекомендуем как для суда коронного, так в особенности для суда с участием в нем

народного элемента – для суда присяжных... Ведь отвечая на вопрос: "виновен ли субъект в содеянном" – люди всегда будут сообразовываться с будущей ответственностью этого субъекта: ведь "виновен" означает "следует покарать", и если я знаю, что за моим утвердительным ответом о виновности последует заключение подсудимого в тюрьму на три месяца, то смело и со спокойной душой скажу "да", а если этого субъекта ожидает каторга до восьми лет, то по совести произнесу "нет"». (Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 37–39. Возражая на критику, что в таком случае суд станет разновидностью власти законодательной либо возьмет на себя не свойственную суду функцию помилования, С. И. Викторский отвечал, что во избежание этого необходимо совершенствовать и приводить в соответствие все другие стороны уголовно-правовой деятельности государства, имея в виду предоставление судам законного права самостоятельно решать вопрос о ненаказуемости хотя бы и противоправного поступка, если суд не видит смысла в применении репрессии. Как отмечает Т. Г. Морщакова, позиция Викторского – это фактически концепция по вопросу о виновности, которой придерживаются и некоторые нынешние российские юристы. (См.: Пашин С. А. Понимание преступления // Уголовное право. 2000. № 3. С. 81–88; Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 467).

Я отдаю себе отчет в том, что есть две разные и неоднопорядковые концепции: право суда присяжных на фактическое помилование как особая концепция вины и независимость жюри от государства, исключаящая конфликт интересов. Я понимаю, что концепция особой вины носит спорный характер, и поэтому делаю особый акцент на независимости жюри от государства.

Сложность конституционного права состоит в том, что почти каждый из конституционных принципов представляет собой единство противоположностей: человек имеет право на справедливый суд, но при этом желает и проявления милости! И эта противоречивость учитывается

конституционным правом. Разве это не показательно, что все три ветви власти в государстве вправе проявлять милость? Президент России осуществляет помилование (статья 89 Конституции). Государственная Дума объявляет амнистию (статья 103). Суд с участием присяжных заседателей также является организационно-правовой формой проявления милости со стороны государства.

Всякое ограничение возможности проявлять милость должно быть тщательно аргументировано и обосновано. Таково веление статьи 55 (часть 3) Конституции России. В данном же случае законодатель не обосновал, почему, например, в подсудности суда присяжных остались такие составы, как неуважение к суду (статья 297, часть 1, – наказание – штраф в размере от 100 до 200 МРОТ), а шпионаж исключен.

Принцип правового государства означает, что Конституция устанавливает запрет на чрезмерные ограничительные меры (части 2 и 3 статьи 55), вмешательство закона в сферу конституционного права, гарантируемого статьей 47 (часть 2) Конституции, должно быть обоснованным, необходимым и соразмерным. Иначе, если не признать, что конституционное право обвиняемого, гарантируемое в части 2 статьи 47, является основным конституционным правом, имеющим свое собственное «существенное содержание», неприкосновенное и для законодателя, возникает очень опасная угроза для «опустошения» основного права и даже деконституализации конституционных положений обычным законом.

3. Федеральный законодатель не случайно использовал правовую конструкцию, получившую широкое распространение в мире и закрепленную в статье 325 УПК РФ: при наличии взаимоисключающих ходатайств о составе суда – о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей и судом в составе трех профессиональных судей – приоритет законодатель отдает коллегии присяжных заседателей, обеспечивая тем самым гарантированное Конституцией право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

В силу части 1 статьи 54 Конституции, закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. В деле обвиняемого Кудяева после проведения предварительного слушания было принято постановление Верховного Суда о рассмотрении дела судом присяжных. Это постановление никем не отменено. Даже если бы оно было отменено ввиду нового правового регулирования (и утратило преюдициальное значение), субъективное право, обретенное обвиняемым, все равно должно было бы сохраниться, так как последующее изменение гипотезы нормы не может влиять на субъективные права, законным образом уже возникшие согласно прежней гипотезе. Законодательная власть, вводя новое регулирование, не вправе отменять акты судебной власти. В части 5 статьи 325 УПК РФ специально подчеркивается, что постановление судьи о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей является окончательным. В соответствии со статьей 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» вступившие в законную силу постановления федеральных судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В.Г.Ярославцева

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года, в частности, положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму») в части, исключающей из подсудности суда с участием

присяжных заседателей уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 «Террористический акт», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и 279 «Вооруженный мятеж» Уголовного кодекса Российской Федерации, и, соответственно, передающей такие дела на рассмотрение суда в составе трех профессиональных судей федерального суда общей юрисдикции, признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку предусмотренный данными положениями переход от рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей к иной судебной процедуре осуществлен с учетом запрета назначения исключительной меры наказания в виде смертной казни.

Всемерно поддерживая меры по усилению борьбы с терроризмом, я вместе с тем полагаю, что эти законоположения не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 3, 10, 20, 32 (часть 5), 46, 47, 55 (часть 3), 120 (часть 1), 123 (часть 4) по следующим основаниям.

1. Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» в статью 30 «Состав суда» УПК Российской Федерации, а именно в пункты 2 и 3 ее части второй, был внесен ряд изменений, в соответствии с которыми из числа уголовных дел, которые по ходатайству обвиняемого могут рассматриваться судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, исключаются дела о преступлениях, предусмотренных статьей 205 «Террористический акт», частями второй – четвертой статьи 206 «Захват заложника», частью первой статьи 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», частью первой статьи 212 «Массовые беспорядки», статьями 275 «Государственная измена», 276 «Шпионаж», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», 279 «Вооруженный мятеж» и 281 «Диверсия» УК Российской Федерации, и рассмотрение таких дел

осуществляется судом в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Конституционность Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ в указанной части и, соответственно, конституционность положений пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации в редакции данного Федерального закона оспаривается гражданами Р.Р.Зайнагутдиновым, Р.В.Кудаевым, Ф.Р.Файзулиным, А.Д.Хасановым и А.И.Шаваевым, обвиняемыми в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

1.1. Гражданам Р.В.Кудаеву и А.И.Шаваеву наряду с другими 56 лицами было предъявлено обвинение в совершении ряда преступлений, в том числе таких особо тяжких преступлений, как террористический акт с применением огнестрельного оружия, совершенный организованной группой, повлекший иные тяжкие последствия (часть третья статьи 205 УК Российской Федерации), и активное участие в вооруженном мятеже (статья 279 УК Российской Федерации).

Судья Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики постановлением от 25 марта 2008 года удовлетворил ходатайство 34 обвиняемых, в том числе Р.В.Кудаева, о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и отказал в удовлетворении ходатайства о его рассмотрении коллегией из трех профессиональных судей, заявленного другими 24 обвиняемыми, в том числе А.И.Шаваевым. Впоследствии по ходатайству стороны обвинения постановлением судьи Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 20 февраля 2009 года уголовное дело в целом было направлено для рассмотрения судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции с указанием на то, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 и 279 УК Российской Федерации, в силу части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ) не подлежат рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Как утверждают Р.В.Кудаев и А.И.Шаваев, оспариваемое ими нормативное регулирование – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47, 55 и 64, поскольку фактически лишает их права на допускаемый Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации выбор законного состава суда, в том числе с участием присяжных заседателей, не только в отношении преступлений, дела по которым исключены Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ из подсудности суда с участием присяжных заседателей, но и в отношении других вменявшихся им по совокупности преступлений, которые по-прежнему относятся к предмету рассмотрения суда с участием присяжных заседателей.

1.2. По завершении предварительного следствия уголовное дело по обвинению граждан Ф.Р.Файзулина, А.Д.Хасанова и других в совершении ряда особо тяжких преступлений, в том числе в приготовлении к насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации (часть первая статьи 30 и статья 278 УК Российской Федерации), было направлено в суд. В удовлетворении заявленных ими 29 декабря 2008 года ходатайств о рассмотрении данного уголовного дела судом с участием присяжных заседателей было отказано постановлением судьи Верховного суда Республики Татарстан от 29 января 2009 года со ссылкой на то, что согласно пунктам 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ) уголовные дела о преступлении, предусмотренном статьей 278 УК Российской Федерации, из подсудности суда с участием присяжных заседателей исключены.

Гражданину Р.Р.Зайнагутдинову, обвиняемому в совершении ряда преступлений, в том числе в приготовлении к такому особо тяжкому преступлению, как совершение террористического акта в составе

организованной группы (часть первая статьи 30 и пункт «а» части второй статьи 205 УК Российской Федерации), постановлением следователя от 12 марта 2009 года со ссылкой на Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ было отказано в удовлетворении ходатайства о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Постановлением от 14 апреля 2009 года судья Верховного суда Республики Башкортостан назначил дело к рассмотрению судом в составе коллегии из трех профессиональных судей.

Как утверждают заявители, в результате применения в их делах пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ они – в нарушение статей 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 2), 32 (часть 5), 45, 47, 55 и 64 Конституции Российской Федерации – были лишены права на рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.

2. В соответствии со статьями 2 и 17 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства; права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием; основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения; осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Согласно статье 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации все равны перед законом и судом; государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина. В силу статьи 45 Конституции Российской Федерации государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (часть 1); каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2).

Статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации предусмотрено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. По смыслу статьи 32 (части 1 и 5) Конституции Российской Федерации («граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия») во взаимосвязи с названными положениями, а также с положениями ее статей 20, 47 и 123, в Российской Федерации судебная власть может осуществляться судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Согласно статье 20 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жизнь; смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрения его дела с участием присяжных заседателей. Названная конституционная норма была принята многонациональным народом Российской Федерации как единственным источником власти всенародным голосованием 12 декабря 1993 года в процессе принятия Конституции Российской Федерации.

Из этого вытекает, что именно многонациональный народ России определил, что суд с участием присяжных заседателей является преимущественной формой отправления правосудия при рассмотрении указанной категории преступлений впредь до отмены смертной казни. Это явно выраженная воля народа, закрепленная в статье 20 Конституции Российской Федерации, имеет императивный характер и может быть изменена только в случае отмены смертной казни.

До настоящего времени смертная казнь как исключительная мера наказания в установленном порядке не отменена. Следовательно, несмотря на установленный Конституционным Судом Российской Федерации мораторий на применение смертной казни (Постановление от 2 февраля 1999

года № 3-П, Определение от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р), с учетом новых террористических угроз сохраняется хрупкое конституционное равновесие, которое потенциально сохраняет в себе опасность «реставрации» смертной казни. В связи с этим необходимо и сохранение суда присяжных по рассмотрению особо тяжких преступлений против жизни, каковыми являются терроризм (статья 205 УК Российской Федерации) и иные преступления, связанные с содействием террористической деятельности (статья 205¹ УК Российской Федерации), – захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой.

Однако федеральный законодатель, проигнорировав волю многонационального народа России, закрепленную в статье 20 Конституции Российской Федерации, пошел другим путем – путем сокращения уголовных дел, отнесенных к подсудности суда с участием присяжных заседателей. Используя свои дискреционные полномочия, федеральный законодатель исключил из подсудности суда с участием присяжных преступления, предусмотренные статьями 205, 206, 208, 212, 276, 278, 279 и 281 УК Российской Федерации, опираясь на формальный признак (данные преступления не предусматривают наказание в виде смертной казни), при этом включив в указанный перечень статьи 276 «Шпионаж», 281 «Диверсия», которые не содержатся в статье 205¹ как содействующие террористической деятельности. Тем самым федеральный законодатель расширительно истолковал преступления, относящиеся к содействию террористической деятельности, вступив в противоречие с указанными нормами Уголовного кодекса Российской Федерации.

С другой стороны, исключение террористического акта из рассмотрения судом с участием присяжных заседателей породило своеобразный уголовно-правовой парадокс с точки зрения фундаментального положения уголовного права – принципа справедливости (статья 6 УК Российской Федерации), в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления. Смысл этого парадокса заключается в том, что лицо, совершившее убийство двух или более лиц, будет привлечено к уголовной ответственности по статье 105 УК Российской Федерации, санкция которого содержит наказание в виде смертной казни, и его дело будет рассматривать суд с участием присяжных заседателей. В то же время совершение террористического акта предполагает возможность гибели большого количества людей, однако санкция в виде смертной казни в статье 205 УК Российской Федерации не предусмотрена. Несмотря на указанные уголовно-правовые несообразности, федеральный законодатель передал рассмотрение данной категории дел на рассмотрение суду в составе коллегии из трех профессиональных судей федерального суда общей юрисдикции.

Вводя новое правовое регулирование, федеральный законодатель преследовал цель усиления эффективности борьбы с терроризмом и усиления ответственности за совершение террористических актов, полагая, что суд, состоящий из профессиональных судей, справится с этой задачей лучше, чем суд с участием присяжных заседателей. Казалось бы, нет причин для беспокойства. Однако перед нами только вершина «законодательного айсберга». Главная причина введения нового правового регулирования раскрывается в пояснительной записке и заключении комитета Государственной Думы по безопасности. Эти документы достойны того, чтобы быть воспроизведенными дословно в пределах предмета исследования по данному делу.

Из пояснительной записки усматривается, что данный проект федерального закона направлен на повышение эффективности мер предупреждения терроризма и усиления борьбы с этим явлением уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными способами, а также совершенствование законодательства Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение террористических актов.

Из заключения комитета Государственной Думы по безопасности на законопроект к рассмотрению его Госдумой в первом чтении, в частности, усматривается, что внесение изменений в статьи 30 и 31 УПК Российской Федерации продиктовано вескими обстоятельствами, а именно практикой рассмотрения в судах уголовных дел с участием присяжных заседателей о тяжких и особо тяжких преступлениях, в том числе террористического характера.

Как указывается в заключении, в южных регионах России участились факты вынесения коллегиями присяжных заседателей оправдательных вердиктов или обвинительных вердиктов с указанием о снисхождении в отношении подсудимых – *установленных следственными органами* членов незаконных вооруженных формирований и организованных преступных сообществ, осуществлявших террористическую и иную преступную деятельность на территории России.

Необходимость усиления влияния на ситуацию в данной области диктуется нарастающей для общества террористической угрозой, которая настоятельно требует от государства принятия адекватных мер, выраженных в обеспечении неотвратимости наказания виновных лиц за совершенные преступления. Возникает потребность в поиске правовых способов урегулирования складывающейся судебной практики, связанных с изменением уголовного процессуального законодательства в части уточнения состава суда общей юрисдикции, указанного в статье 30 УПК Российской Федерации, для рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 205 и 206 (части вторая, третья, четвертая),

статьей 281 (в новой редакции), 208 (часть первая), 212 (часть первая), 275, 276, 278 и 279 УК Российской Федерации.

Следовательно, основным побудительным мотивом исключения указанных уголовных дел из подсудности суда с участием присяжных является вынесение или оправдательных вердиктов, или обвинительных вердиктов с указанием о снисхождении в отношении подсудимых. Вот что вызывает неприкрытое раздражение¹ правоохранительных органов, и тем самым задается соответствующий алгоритм поведения трем профессиональным судьям при рассмотрении этой категории дел и назначении ожидаемого наказания. Вряд ли можно признать конституционно значимой подобную цель федерального законодателя. Напротив, рассматриваемые нормы пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, реализуемые в соответствии с указанной целью, не соответствуют Конституции Российской Федерации, так как представляют собой прямое вмешательство в отправление правосудия и тем самым нарушают конституционное право граждан на судебную защиту. Тем более несостоятельны упреки в адрес присяжных, что они склонны оправдывать заведомо виновных в государственных преступлениях. Практика показывает, что в отношении 80% подсудимых присяжные выносят обвинительные вердикты, в том числе по делам о терроризме. Оправдательные вердикты суды присяжных выносят тогда, когда сторона обвинения не смогла доказать виновность подсудимых, толкуя в их пользу все неустранимые сомнения в обстоятельствах дела, как это предписывает конституционный принцип презумпции невиновности.

Более того, настораживает «географический» аспект недовольства указанными вердиктами суда с участием присяжных заседателей, что закономерно вызывает негативную реакцию со стороны руководителей «южных» регионов. Так, спикер Парламента Чеченской Республики

¹ Термин «раздражение» употреблен Председателем Верховного Суда РФ В.М.Лебедевым 11 февраля 2010 года в интервью «Эху Москвы» в связи с недовольством правоохранительных органов указанными вердиктами присяжных заседателей. При этом оправдательные вердикты составляют 18,7% от рассмотренных судом присяжных дел в 2009 году.

Д.Абдурахманов заявил: «Если все мы называемся гражданами России, то при таких преступлениях не должны называться национальностями». Он назвал всех, кто делает *еще не доказанные заявления о северокавказском следе*, «разрушителями государства», которые «должны нести за свои слова полную юридическую и политическую ответственность»², т.е. заявления следственных органов о причастности лиц в совершении террористических актов должны быть доказаны в установленном законом судебном порядке.

Таким образом, сокращение категорий дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, не имеет конституционного обоснования и носит произвольный характер.

3. Сокращение подсудности дел суду с участием присяжных заседателей существенным образом нарушает как конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия (статья 32, часть 5, Конституции Российской Федерации), так и конституционное право граждан на судебную защиту. Согласно статье 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации провозглашается конституционное право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. При этом под подсудностью в данной конституционной норме понимается установленная законом относимость дела к ведению того или иного суда (судьи) с учетом его компетенции (полномочий) как элемента единой судебной системы.

Указанное положение Конституции Российской Федерации нашло свое отражение в Федеральном законе от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Так, согласно данному Федеральному закону рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей федеральных судов общей юрисдикции проводится в Верховном Суде Российской Федерации, верховных судах республик, краевых, областных судах, судах городов федерального значения, автономной области и автономных округов,

² Коммерсант. 2010. 31 марта.

окружных (флотских) военных судах (статья 1); граждане Российской Федерации имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей; участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, является их гражданским долгом (статья 2); на присяжного заседателя в период осуществления им правосудия распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей, установленные Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», пунктом 1 (за исключением абзацев третьего, четвертого и шестого) и абзацем первым пункта 2 статьи 9, статьей 10, пунктами 1, 2, 5, 6, 7 и 8 статьи 16 Закона Российской Федерации от 26 июля 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральным законом от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и настоящим Федеральным законом. Лица, препятствующие присяжному заседателю исполнять обязанности по осуществлению правосудия, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (статья 12). Вместе с тем закон предусматривает, что ограничение данного права устанавливается только федеральным законом.

3.1. Согласно статье 55 Конституции Российской Федерации перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (часть 1); в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (часть 2); права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3).

К вопросам, связанным с критериями возможных ограничений конституционных прав и свобод граждан, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался в своих решениях. При этом им были выражены следующие правовые позиции.

Ограничения прав допустимы в строго определенных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целях, не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией и законами Российской Федерации (Постановление от 20 декабря 1995 года № 17-П).

Государство, даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, с тем чтобы осуществление конституционных прав ... не нарушало права и свободы и других лиц, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры. Этот принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленный в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям (Постановление от 13 июня 1996 года № 14-П).

В тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции

Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения (Постановление от 30 октября 2003 года № 15-П).

Таким образом, право законодателя вводить процедуры рассмотрения дел с участием присяжных заседателей не означает, что законодатель может отказаться от уже предоставленных гарантий судебной защиты. Снижение уровня гарантий не может рассматриваться как допустимое ограничение прав, осуществляемое в соответствии с конституционно одобряемыми целями, закрепленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Согласно изложенным правовым позициям, из взаимосвязанных положений статей 55 и 56 Конституции Российской Федерации вытекает, что ограничение законодателем права на судебную защиту и снижение гарантий справедливого правосудия, в том числе путем изменения процессуального статуса участников судопроизводства и лишения их процессуальных прав, не может служить достижению целей, закрепленных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а именно целям защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, так как ни одна из перечисленных в данной конституционной норме целей не может оправдать ограничение права на справедливое правосудие. Это

подтверждается и запретом, сформулированным в статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, исключающим ограничение всех закрепленных в ее главе второй процессуальных прав, реализуемых в уголовном судопроизводстве.

3.2. Следует отметить несостоятельность утверждений о некомпетентности и небеспристрастности суда с участием присяжных, так как формирование суда присяжных именно как компетентного, беспристрастного, объективного и справедливого суда подробно регламентировано главой 42 УПК Российской Федерации (производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей). Несомненно, что основополагающей и, пожалуй, самой сложной стадией является процедура отбора присяжных заседателей (статья 328 УПК Российской Федерации), что позволяет в конечном счете сформировать и компетентный и беспристрастный состав коллегии присяжных заседателей. Тем более что в этом отношении законодатель предусматривает и дополнительную гарантию беспристрастности: до приведения присяжных заседателей к присяге стороны вправе заявить, что вследствие особенностей рассматриваемого уголовного дела образованная коллегия присяжных заседателей в целом может оказаться неспособной вынести объективный вердикт ввиду тенденциозности ее состава, и если заявление будет обоснованным, председательствующий распускает коллегию присяжных заседателей и возобновляет подготовку к рассмотрению уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в соответствии со статьей 324 УПК Российской Федерации (статья 330 УПК Российской Федерации).

Особенно важно отметить и то, что в соответствии со статьей 332 УПК Российской Федерации присяжные заседатели приносят присягу, которая гласит: «Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как

уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невинного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку». Огласив текст присяги, председательствующий называет последовательно по списку фамилии присяжных заседателей, каждый из которых на обращение к нему председательствующего отвечает: «Я клянусь».

Обращает на себя внимание и тот факт, что присяжный заседатель не является безучастным слушателем в процессе судебного слушания, так как в соответствии со статьей 333 УПК Российской Федерации присяжные заседатели вправе участвовать в исследовании всех обстоятельств уголовного дела, задавать через председательствующего вопросы допрашиваемым лицам, участвовать в осмотре вещественных доказательств, документов и производстве иных следственных действий; просить председательствующего разъяснить нормы закона, относящиеся к уголовному делу, содержание оглашенных в суде документов и другие неясные для них вопросы и понятия; вести собственные записи и пользоваться ими при подготовке в совещательной комнате ответов на поставленные перед ними вопросы.

Кроме того, закон предусматривает, что присяжные заседатели могут обратиться за правовой помощью к председательствующему, если в ходе принятия решения в совещательной комнате они придут к выводу о необходимости получить дополнительные разъяснения по поставленным вопросам, и председательствующий в присутствии сторон обязан дать необходимые разъяснения.

Компетентность присяжных заседателей подтверждает и анализ судебной практики, который свидетельствует о том, что ошибки, повлекшие за собой отмену приговоров, в большей степени допускались не присяжными заседателями, а профессиональными судьями, обвинителями, защитниками и следственными органами. Вердикты присяжных, как правило, более

соразмерны, более справедливы, чем приговоры, выносимые судами, состоящими из профессиональных судей. В этом проявляется существующий парадокс: общество, как правило, всегда требует ужесточения наказаний для преступивших закон, но когда представители народа сами «вершат суд», они становятся справедливее и милосерднее профессиональных судей.

Нарушения органами дознания и следователями требований уголовно-процессуального закона при собирании доказательств являются главной причиной вынесения присяжными значительного количества оправдательных вердиктов: такие доказательства не отвечают принципу допустимости и, следовательно, не могут исследоваться в процессе, тем самым сужая доказательственную базу обвинения. Это повышает требования к качеству расследования и поднимает авторитет судебной власти, в первую очередь – суда присяжных как важнейшего института защиты прав граждан в сфере уголовного судопроизводства. Как показывает практика, основными причинами отмены приговоров являются нарушение прав обвиняемых при окончании предварительного следствия; неправильная постановка судьей вопросов, подлежащих разрешению коллегией присяжных заседателей; нарушение порядка совещания и голосования.

С учетом сказанного нельзя забывать, что суд присяжных – это в определенном смысле суд профессионалов, поскольку от профессиональных судей зависит качество его деятельности. Именно председательствующий судья ведет процесс, формулирует вопросы для жюри, напутствует присяжных, а затем в соответствии с их вердиктом выносит приговор, применяя надлежащую норму уголовного закона и назначая наказание.

3.3. По смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 4) и 17 (часть 1), а также со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, одним из неотъемлемых свойств права на судебную защиту и необходимым условием справедливого судебного разбирательства является право на объективный суд, предполагающее отсутствие предубеждения и пристрастности судей.

Поэтому федеральный законодатель при осуществлении соответствующего правового регулирования в целях обеспечения эффективности судебной власти и способности судебной системы реально гарантировать право каждого на справедливое судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом должен исходить из того, что принципиальное требование беспристрастности суда распространяется как на профессиональных судей, так и на входящих в состав суда присяжных заседателей.

По мнению Европейского Суда по правам человека, беспристрастность суда в контексте статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод находится на первом месте (постановление от 26 октября 1984 года по делу «Де Кюббер (De Cubber) против Бельгии»); принципы независимости и беспристрастности распространяются равным образом как на профессиональных судей, так и на присяжных заседателей (постановление от 23 апреля 1996 года «Ранли (Remli) против Соединенного Королевства»).

Таким образом, суд с участием присяжных заседателей полностью отвечает требованиям компетентности, беспристрастности и справедливости, что позволяет ему на высоком профессиональном уровне разрешать уголовные дела об особо тяжких преступлениях, в том числе о терроризме. А известные (в основном своей несостоятельностью) упреки в его некомпетентности и необъективности в равной мере могут быть адресованы любому суду, состоящему из профессиональных судей. Да, несомненно, существует одна действительно реальная проблема – это сложности формирования беспристрастного и справедливого суда в моноэтнических, во многом сохранивших клановые (тейповые) отношения регионах, тем более тех, где не прекращаются боевые столкновения. Но это относится не только к коллегии присяжных заседателей, но и к любому составу суда в регионе, и данная острая, но локальная проблема может быть решена точечным совершенствованием нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об изменении территориальной подсудности уголовных дел, а не

использоваться для ликвидации прав граждан на «суд равных себе» по всей стране в отношении целых категорий государственных преступлений, что ведет к беспрецедентному нарушению прав граждан на справедливый, компетентный и независимый суд.

3.4. Как следует из статьи 54 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 18, 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), федеральный законодатель, осуществляя свои конституционные полномочия по введению в действие новых правовых норм и признанию утратившими юридическую силу прежних правовых норм, не вправе придавать обратную силу новым нормам, ухудшающим правовое положение обвиняемого, и неправомерно ограничивать субъективные процессуальные права, уже реализованные в конкретных правоотношениях. Определяя действие уголовно-процессуального закона во времени, статья 4 УПК Российской Федерации устанавливает, что при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено данным Кодексом.

Согласно части пятой статьи 217 УПК Российской Федерации следователь разъясняет обвиняемому его право ходатайствовать о рассмотрении его уголовного дела с участием присяжных заседателей – в случаях, предусмотренных пунктом 1 части третьей статьи 31 данного Кодекса, устанавливающей правила подсудности (до введения в действие Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ преступления, совершенные заявителями, были подсудны суду с участием присяжных заседателей). При этом следователь разъясняет особенности рассмотрения уголовного дела этим судом, права обвиняемых в судебном разбирательстве и порядок обжалования судебного решения. Если один или несколько обвиняемых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, то следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство. При невозможности выделения

уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

Следовательно, уже на стадии предварительного следствия уголовно-процессуальный закон четко и недвусмысленно определяет состав суда – суд с участием присяжных заседателей. Данная норма не содержит каких-либо исключений из этого предписания. Таким образом, субъективное право обвиняемого в указанном законом случае на рассмотрение его дела определенным составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом, как имеющее публично-правовую природу реализуется не в разрешительном порядке, а в силу прямого указания уголовно-процессуального закона, что по своей сути фактически предрешает решение суда по этому вопросу. Данное обстоятельство имело место в деле Р.В.Кудаева и А.И.Шаваева, когда судья Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики постановлением от 25 марта 2008 года удовлетворил ходатайство 34 обвиняемых, в том числе Р.В.Кудаева, о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и отказал в удовлетворении ходатайства о его рассмотрении коллегией из трех профессиональных судей, заявленных другими 24 обвиняемыми, в том числе А.И.Шаваевым.

Постановлением судьи Верховного суда Республики Татарстан *от 29 января 2009 года* в удовлетворении заявленных *29 декабря 2008 года* ходатайств Ф.Р.Файзулина А.Д.Хасанова и других о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей было отказано в связи с введением в действие Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ.

Вместе с тем, по смыслу статьи 47 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, новые правила подсудности уголовных дел, введенные Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ, подлежат применению во взаимосвязи с требованием о неизменности состава суда, согласно которому уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда (статья 242 УПК Российской

Федерации). Следовательно, если до вступления в силу указанного Федерального закона согласно прямому предписанию статьи 217 УПК Российской Федерации, а также по результатам предварительного слушания судом уже принято решение о назначении судебного заседания с участием присяжных заседателей, то дело подлежит рассмотрению именно судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, нормы пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации – с точки зрения действия закона во времени и по кругу лиц – не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 54, 47 и 55 (части 2 и 3).

3.5. Как известно, общепризнанные принципы и нормы международного права не включают право на суд присяжных в число обязательных составных элементов права на справедливое правосудие. Не рассматривают его как охраняемое Конвенцией о защите прав человека и основных свобод ни Европейский Суд по правам человека, ни – ранее – Европейская Комиссия по правам человека, которая признавала жалобы на отказ в праве на суд присяжных несовместимыми *rationae materiae* с ее положениями (решения о приемлемости жалоб от 10 октября 1980 года «Х. и У. против Ирландии», от 9 мая 1989 года «Кэллэгэн (Callagan) и другие против Соединенного Королевства», от 6 июля 1992 года «Макмаллен (McMullen) против Ирландии», от 28 февраля 1996 года «Мэлоун (Malone) против Соединенного Королевства» и «Маклафин (McLoughlin) против Ирландии»).

По мнению Европейского Суда по правам человека, при наличии в системе уголовной юстиции конкретного государства суда с участием присяжных принцип справедливого судебного разбирательства, по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не предполагает при предъявлении уголовного обвинения обязательного признания права на такой суд (решения о приемлемости жалоб от 17

сентября 2002 года «Климентьев против России», от 9 декабря 2004 года «Моисеев против России», от 5 февраля 2007 года «Рожков против России»).

Не оспаривая приведенные позиции по существу принятых решений, вместе с тем считаю необходимым проанализировать более детально сложившуюся конституционно-правовую ситуацию в деле «Х. и У. против Ирландии», решение по которому, принятое Европейской Комиссией по правам человека, является основополагающим и воспроизводится в текстах решений Европейского Суда по правам человека до настоящего времени.

По сути, Комиссии предстояло решить два основных вопроса: 1) является ли суд присяжных единственно возможной формой отправления правосудия, гарантированной статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ответ на этот вопрос нам известен); 2) не было ли нарушено гарантированное статьей 6 Конвенции право заявителей на справедливый, компетентный и беспристрастный суд в процедуре передачи их дела из подсудности суда с участием присяжных заседателей в Специальный Уголовный Суд, состоящий из профессиональных судей (на мой взгляд, это был самый сложный вопрос в данном деле, на который Комиссии предстояло ответить)?

В 1972 году заявители совершили ограбление банка в Дублине (Ирландия), что было связано с террористической деятельностью Ирландской Республиканской Армии. Впоследствии они были задержаны в Великобритании и ожидали экстрадиции по запросу ирландской стороны. В январе 1973 года Генеральный прокурор Ирландии под присягой клятвенно обещал, выступая в суде Великобритании, решающем вопрос об экстрадиции, что заявители в случае принятия положительного решения предстанут перед судом общей юрисдикции, предполагающим суд с участием присяжных заседателей. После экстрадиции заявителей Генеральный прокурор «передумал», несмотря на свое заявление под присягой, и направил уголовное дело заявителей в Специальный Уголовный Суд. Заявители, в частности, полагали, что необоснованное изменение

подсудности их дела нарушает их право на независимый и беспристрастный суд, гарантированный статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

С большим трудом Правительству Ирландии удалось убедить Комиссию в том, что сделанное под присягой заявление Генерального прокурора не имеет решающего значения, так как Конституция Ирландии (статья 38.3) содержит положение о рассмотрении уголовных дел Специальным Уголовным Судом в случае, если будет установлено, что рассмотрение дела в суде общей юрисдикции не гарантирует эффективное отправление правосудия и охрану общественного спокойствия и порядка. В связи с этим Генеральный прокурор, реализуя свои полномочия в соответствии с законом, основанным на указанном положении Конституции, направил дело в Специальный Уголовный Суд.

Таким образом, процедура изменения подсудности конкретного дела была основана на Конституции и соответствующем законе Ирландии при соблюдении условий, предусмотренных этими актами. В связи с этим Комиссия выразила свою правовую позицию, согласно которой только при соблюдении всех гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции, данное положение не содержит запрета на то, чтобы обвиняемый предстал перед специальным судом.

Я далек от мысли проводить прямую аналогию с нашим делом. Вместе с тем остается непреложным факт, что изменение подсудности не может носить необоснованный, произвольный характер. Тем более когда право на суд присяжных было предоставлено заявителям в установленном законом порядке. В случае изменения правового регулирования необходимо установление специальной процедуры, определяющей как условия изменения подсудности конкретных преступлений, так и формирование иного суда, а не произвольное исключение суда с участием присяжных заседателей по большой категории особо тяжких государственных преступлений.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Право быть судимыми равными себе, т.е. присяжными заседателями, – вот что лежит в основе каждого правового государства. И если российский суд лишат этой власти, если у граждан отнимут это право быть судимыми судом присяжных, Россия перестанет существовать как демократическое правовое государство.